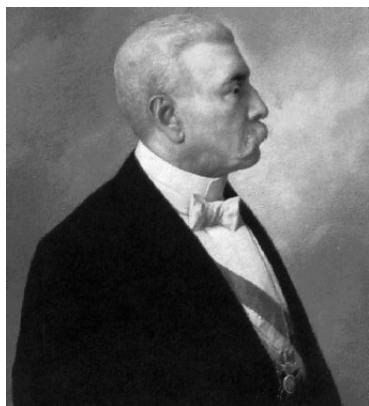


Никто не правил Мексикой дольше, чем Порфирио Диас. Тем не менее страна, до сих пор чтящая Хуареса, Диасу не поставила после смерти ни одного памятника, не назвала в его честь ни одной улицы. Правление этого человека, закончившееся в Мексике невиданным по мощности социальным катаклизмом, до сих пор оценивается историками с диаметрально противоположных позиций. Не меньше разногласий и относительно личности и политических взглядов этого человека, которого еще при жизни за несвойственную мексиканцам скрытность называли сфинксом.



Порфирио Диас

Порфирио Диас, наполовину индеец племени мистеков, родился 15 сентября 1830 года – как и сапотек Хуарес, в штате Оахака. Мистеки с давних времен славились воинственностью, в отличие от их мирных соседей сапотек, предпочитавших земледелие и ремесла. Отец Диаса был кузнецом и владельцем трактира. Он умер, когда мальчику было три года.¹ Учась в школе, Диас подрабатывал столяром и сапожником. Его крестный отец, архиепископ Оахаки, по просьбе набожной матери Порфирио устроил мальчика в семинарию. Но, как и Хуарес, Диас священником быть не хотел. Уже в 16 лет, узнав о вторжении

американских войск, он вступил добровольцем в милицию своего родного штата. Повоевать ему в тот раз, правда, не пришлось. Юноша с большим энтузиазмом ремонтировал пистолеты и собственноручно делал приклады к ружьям.

В 1850 году Диас начал изучать юриспруденцию. Его профессором по гражданскому праву был не кто иной, как Бенито Хуарес. Однако учеба явно казалась Порфирио скучноватой. В январе 1854 года он сдал первый экза-

¹ Интересная параллель с сиротским детством Хуареса. См. Ruiz R. E. *Triumphs and Tragedy. A history of the Mexican people*. New York, 1992. P. 271

мен на звание адвоката. Много позже в своих воспоминаниях Диас писал: «Моими отличительными качествами были хорошее здоровье, высокий рост, примечательное физическое развитие, огромная подвижность и склонность, желание и возможность заниматься атлетическими упражнениями. Как-то в мои руки попал учебник по гимнастике, наверное, первый, который достиг Оахаки, и он позволил мне соорудить в своем доме импровизированный гимнастический зал».²

До конца жизни Диас практически не читал книг и очень плохо писал по-испански. Его коньком была не грамота – он научился прекрасно разбираться в людях, что и привело обычного метиса в президентское кресло.

В 1855 году Диас бросил юриспруденцию и включился в борьбу либералов против Санта-Анны. Он открыто голосовал против диктатора во время инсценированного последним плебисцита. Губернатор штата запретил Порфирио организовывать отряды национальной гвардии – якобы из-за того, что уроженцы тех мест не были способны к военной карьере. Тогда молодой человек стал формировать воинские части на свой страх и риск и вскоре возглавил либеральные войска в городе Истлан. В декабре 1856 года ему присвоили звание капитана – довольно высокое по тем временам. Бойцы любили его за то, что он воевал нестандартно, постоянно стремясь удерживать наступательную инициативу в своих руках.

В начале гражданской войны, в 1857 году Диас на стороне либералов командовал ротой, составленной из бывшей скотоводов, и в первом же бою получил ранение. Хуарес назначил активного и толкового офицера на стратегический пост – поручил Диасу командование всеми силами либералов в районе перешейка Теуантепек, самой узкой части Мексики между Атлантическим и Тихим океанами. После победы либералов в 1860 году Диас, принявший участие в 12 крупных боях и дослужившийся до звания полковника, впервые покинул свой родной штат. Хуарес говорил: «Диас – это самый выдающийся человек Оахаки».³ А друзья называли его «драчун Диас».

Звезда Диаса ярко засияла в годы борьбы против французов. В судьбоносном сражении при Пуэбле 5 мая 1862 года он отказался повиниться приказам главкома республиканцев Сарагосы, и инициатива его принесла победу Мексике и звание бригадного генерала ему самому. Сарагоса особо отмечал «предприимчивость и азарт» «гражданина генерала Диаса». После сдачи Пуэблы в 1863 году Диаса назначили командующим Армии Востока, которая вела основные бои с интервентами южнее Мехико, полностью отрезанная от основной массы республиканских войск на севере страны. В марте 1865 года Диас попал во французский плен, но сумел бежать, переодевшись индейцем. Этот дерзкий побег еще больше усилил его популярность в стра-

² Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P.9

³ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P.15

не. Максимилиан неоднократно предлагал Диасу перейти на его сторону, но тот, прекрасно освоив методы партизанской войны, неизменно отвергал все посулы. Тогда власти империи назначили за голову лучшего республиканского генерала награду в миллион песо.

После побега из плена Диас уже не знал поражений. Во главе сотни деморализованных солдат, с боеприпасами на 15 минут битвы, он нанес поражение при Миатлане вооруженному до зубов отряду, превосходящему его войско по численности вдвое.⁴ В других схватках ему удавалось побеждать с бойцами, вооруженными только мачете, старыми мушкетами и просто кулаками. 2 апреля 1867 года, как уже упоминалось, он одержал победу над войсками Маркеса при Пуэбле и осадил столицу. Правда, защищавшие Мехико солдаты Максимилиана к тому моменту изрядно пали духом, и взятие Пуэблы заняло у Диаса 15 минут. Позднее, уже в годы его президентства, этот успех был раздут официальной пропагандой до масштабов побед Юлия Цезаря.

Когда Хуарес триумфально вступил в Мехико, его встретила сооруженная по приказу Диаса триумфальная арка, увенчанная Богиней мира. В отличие от скромного Хуареса, Диас и тогда, и позже всегда понимал значение пышных церемоний для укрепления престижа власти. Генерал устроил для президента парад своей 35-тысячной армии и вручил ему прошение об отставке. Теперь Диас решил всерьез заняться политикой. В то время он был, несомненно, вторым по популярности человеком в стране после Хуареса. Президент называл генерала «хорошим парнем» и «нашим Порфирио». В душе Диас, однако, считал именно себя архитектором победы над французами. Хуарес же полагал, что успехом Мексика обязана в первую очередь своему народу, его стойкости и преданности идеалам конституции 1857 года.

Как уже упоминалось, в 1871 году Диас организовал мятеж против Хуареса. Президент заявил: «Милитаризм поднимает свое одиозное знамя против стяга законности... Пожертвовать порядком и свободно принятыми законами ради иллюзорных планов одного человека, пусть даже и усыпанного заслугами, означает ввергнуть всех нас в пучину анархии».

Уже во время первого путча Диаса ясно проявилось его основное отличие от президента-земляка. Для Хуареса существовали некие политические принципы, прежде всего свобода и демократия, которые не подлежали никакому обсуждению. Диас, напротив, никакие принципы святыми не считал и полагал, что цель всегда оправдывает средства. В 1871 году ради политической выгоды он заключил союз с вышеупомянутым «тигром Алики» Лосадой, который сам хотел провозгласить себя индейским императором.

Стоит сказать несколько слов и о личной жизни героя нации. Во время операции на перешейке в Теуантепеке Диас сошелся с тамошней красави-

⁴ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P. 18

цей и светской львицей Хуаной Каталиной Ромеро. Он даже велел изменить маршрут строившейся железной дороги, чтобы она проходила в двух метрах от крыльца дома Хуаны. Поезд замедлял ход, и молодой офицер прыгал с подножки прямо на ступеньки дома своей возлюбленной.⁵ У Диаса и Ромеро родились внебрачные дети. Дочь Амада навсегда осталась его любимицей.

В 1867 году генерал женился на своей племяннице Дельфине Ортега, с которой жил до ее смерти в 1880-м.⁶ Хуана Ромеро так никогда и не вышла замуж, но в годы президентства Диаса стала успешным предпринимателем (редкость не только для Мексики, но и для всего тогдашнего мира, в котором не было равноправия мужчин и женщин) и много путешествовала, в том числе и по святым местам. Местный истеблишмент Оахаки прекрасно понимал реальное влияние этой женщины: ведь на устраиваемые ею пышные банкеты всегда приезжал президент.

В первый кабинет Диаса вошли его соратники по «плану Тустепек», чем новый президент очень тяготился. Порфирио понимал, что в случае чего они могут поднять мятеж против него так же, как сам он восстал против Лердо. Президенту приходилось лавировать, и он пока продолжал, в общем и целом, политику своего предшественника, отказавшись от репрессий против сторонников Хуареса и Лердо.

Диас говорил: «Я не люблю и не ненавижу», давая понять и друзьям, и врагам, что всегда готов договориться. Другим он обещал «пан» (т.е. «хлеб» – аналог русского «пряника»), врагам – «пало» («дубинку» – аналог русского «кнута»). Внутренний мир был очень нужен Мексике не только вследствие почти тридцатилетних войн – политики постоянно помнили об угрозе со стороны северного соседа.

Поначалу могущественные Соединенные Штаты отказались признать нового мексиканского президента. Отношения между двумя странами быстро ухудшались, и на горизонте замаячила новая война. Основным камнем преткновения были постоянные попытки индейских племен и просто контрабандистов угонять из США скот через плохо охраняемую мексиканскую границу. К тому же, желая поощрить предпринимательство на приграничной с США территории, мексиканские власти провозгласили десятимильный пояс вдоль границы «duty free» – зоной беспошлинных продаж. Там сразу расцвела контрабандная торговля.

Американские власти под давлением возмущенных фермеров и коммерсантов потребовали у Диаса предоставления права на преследование нарушителей на самой мексиканской территории. На столь явное ущемление суверенитета своей страны герой войны с французами пойти не мог.

⁵ Krauze E. Porfirio Diaz. Místico de la autoridad. Mexico, 1998. P.15

⁶ Диас был образцовым семьянином, и никаких слухов о его внебрачных связях не появлялось.

Напротив, Диас подверг критике решение Лердо строить железные дороги к американской границе.

Однако, прекрасно понимая неблагоприятное для Мексики соотношение военных сил и экономической мощи, Диас пытался не давать американцам ни малейшего предлога для вторжения. Заняв в 1876 году Мехико, он немедленно собрал ведущих банкиров и других богатых людей. Диас попросил у них денег, чтобы заплатить США 300 тысяч долларов, которые Лердо обещал в качестве первого взноса в порядке компенсации ущерба, нанесенного американским гражданам.⁷ В обмен на выполнение обещаний, данных американцам в период подготовки мятежа в 1876 году, Диас надеялся получить дипломатическое признание со стороны северного соседа.

Но здесь он ошибался. Деньги американцы, естественно, взяли, но сразу же потребовали еще. Они считали Диаса своей марионеткой и хотели выжать из нового правительства все, что возможно. К тому же в Америке прошли президентские выборы, и свежеепеченный президент США Хейс недолюбливал мексиканского диктатора. Хейс демонстративно приказал командующему южным военным округом генералу Орду преследовать контрабандистов на территории Мексики без всякого разрешения тамошних властей. В ответ Диас перебросил на север большой контингент войск под руководством своего соратника по путчу 1871 года генерала Тревиньо и приказал силой пресекать все попытки нарушения границы американскими солдатами. В воздухе явно запахло большой войной. Об этом трубили мексиканские и американские газеты, но Диас был абсолютно спокоен. Ведь не кто иной, как Орд помог ему прийти к власти. Вдобавок за время мятежа Тревиньо и Орд успели подружиться.

Конфликта удалось избежать лишь потому, что обе стороны согласились соблюдать некий негласный порядок действий. Американские рейнджеры переходили границу, только убедившись, что поблизости нет мексиканских войск. В свою очередь, мексиканцы делали все, чтобы избежать прямого военного столкновения.

Военная тревога на границе побудила Диаса коренным образом пересмотреть политику по отношению к США. Если раньше он, как и Лердо, старался держать американских предпринимателей подальше от Мексики, то теперь решил полностью сменить курс и, наоборот, всячески способствовать американским инвестициям. При этом Диас исходил из того, что, опасаясь за свои баснословные прибыли, бизнесмены-янки будут удерживать собственное правительство от военных авантур к югу от Рио-Гранде.

В Америку отправился наиболее доверенный советник Диаса Мануэль де Замакона, чтобы при помощи бывшего посланника Хуареса в США Ромеро

⁷ Hart J. M. *Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution*. Berkeley, University of California Press, 1989. P. 127

организовать серию, как сказали бы теперь, презентаций, на которых расхваливался инвестиционный климат Мексики. В США были выпущены и несколько брошюр соответствующего содержания. Сам Диас принимал в Мехико делегации американских бизнесменов, в том числе бывшего президента США и героя гражданской войны Гранта. Такой подход вскоре принес искомые плоды: военная тревога ослабла (в 1880 году приказ Орду был полностью отменен), а в 1878 году США официально признали нового мексиканского президента.⁸

Новый «сильный человек» Мексики не забыл услуг генерала Орда. Дочь последнего вскоре вышла замуж за генерала Тревиньо. А тот за участие в путче получил от «благодарной родины» 880 тысяч акров государственных земель, из которых 90 тысяч акров подарил Орду. Орд переселился в Мексику и стал настоящим феодальным помещиком.⁹

Вопреки мнению многих исследователей Диас отнюдь не порвал с курсом Хуареса и Лердо, направленным на привлечение иностранного капитала и скорейшую модернизацию страны. Правда, отличие, притом коренное заключалось в методах. Будучи прагматиком, Диас прекрасно понимал, что иностранные инвесторы не пойдут в нестабильную страну. Стабильности же можно было достигнуть, по мнению Диаса, только задушив свободную прессу, ликвидировав потенциальных лидеров-претендентов на власть и приструнив Конгресс. На все эти меры ни Лердо, ни тем более Хуарес никогда бы не пошли. Для них соблюдение демократических прав и свобод было вопросом, не подлежащим обсуждению. Диас же провозгласил лозунг: «Меньше политики – больше управления».

В 1880 году Диасу пришлось в соответствии с принципами провозглашенного им же самим «плана Густепек» уйти в отставку. Но уже тогда все понимали, что отставка эта будет временной. К удивлению многих, президент избрал своим преемником генерала Мануэля Гонсалеса, которого считали самым коррумпированным и недалеким среди соратников Диаса.¹⁰ Кстати, во многом такая скверная репутация, как поговаривали, была продуктом стараний самого Диаса, распространявшего про генерала разные небывлицы. Избиратели должны были осознать, как плохо управляется Мексика без Порфирио Диаса.

Популярности Гонсалеса сильно вредило то, что в гражданской войне 1857–1860 годов он воевал в рядах армии консерваторов. Но во время фран-

⁸ Hart J. M. *Revolutionary Mexico: The coming and process of the Mexican revolution*. Berkeley, University of California Press, 1989. P. 128

⁹ Всего за время правления Диаса иностранцы (главным образом американцы) купили в Мексике более 2 миллионов га земли (16% территории страны). См. Григорьева З. К. *Иностранный капитал в экономике Мексики*. М., 1976. С. 25

¹⁰ *Mexico since Independence*. London, Cambridge University Press, 1991. P. 71

цузской интервенции он встал на сторону республики и потерял в боях руку. С тех пор за ним закрепилось прозвище Эль Манко, то есть Однорукий. О себе Гонсалес говорил, что он хороший человек, абсолютно чуждый миру политики. Так и было. Диас ценил Эль Манко прежде всего за его безусловную лояльность. Сам Диас после отставки сначала стал министром развития в кабинете Гонсалеса, а потом перешел на пост губернатора своего родного штата Оахака.

Новый президент Мексики (1880–1884) принял ряд кардинальных решений, на годы вперед определивших вектор развития страны. Все меры предпринимались в тесной координации с Диасом. При этом бывший президент, похоже, специально перекадывал на плечи Гонсалеса бремя особенно непопулярных шагов.

Борясь против Лердо, Диас обвинял своего противника в том, что он раздает концессии иностранцам без разбору и таким образом предаёт национальные интересы страны. Придя к власти, Диас отменил все эти концессии, но после военной тревоги на границе с США сам стал активно раздавать те же концессии американцам и англичанам, к которым вскоре присоединились немцы. Иностранцев интересовали прежде всего полезные ископаемые: серебро, медь, цинк. Железные дороги были нужны иностранным инвесторам лишь для того, чтобы дешевле вывозить сырьё за пределы Мексики. Однако на пути безудержной эксплуатации природных ресурсов стояла старинная норма испанского традиционного права, согласно которой все недра были собственностью государства, а не частных владельцев соответствующих участков земли. Иностранцам это сильно мешало, так как приходилось договариваться и с собственником земли, и с центральными властями, и с властями штатов. Именно правительство Гонсалеса в 1884 году приняло закон, согласно которому собственник земли автоматически становился и владельцем недр.

Гонсалес ещё больше ухудшил положение мексиканских крестьян, приняв другой закон, который и послужил одной из главных причин революции в начале XX века. Дело в том, что иностранным инвесторам хотелось приобрести нужные им земли по дешёвке. Но после «закона Лердо» все церковные земли обрели новых хозяев, в основном бывших генералов, ставших крупными помещиками и политиками. Те с землей расставаться не желали, и за них было кому замолвить словечко в Мехико. В качестве потенциальных жертв оставались только индейские общины и малоземельные крестьяне.

По инициативе президента Конгресс принял довольно разумный, на первый взгляд, закон. В Мексике пустовало много государственной и ничейной земли (правда, обычно в горных и засушливых районах). Согласно новому закону учреждались специальные землемерные компании, которым государство давало право изыскивать и межевать пустующие земли. В виде платы за свою деятельность они получали треть «найденных» земель и право льгот-



Сельская жандармерия «руралес» – гроза мексиканских крестьян

ной покупки оставшихся двух третей.¹¹ Эти компании, среди учредителей которых было немало государственных чиновников нового режима (и по совместительству представителей иностранных фирм), активно взялись за дело. Вот только искали они землю в основном в индейских деревнях. Крестьяне, как правило, не имели никаких документов на землю, так как их предки обрабатывали ее еще до прихода испанцев. Они знали только то, что их земля лежит, например, от того дерева до этого камня. Компании немедленно объявляли эти земли, на которые часто уже имелся солидный покупатель, иностранец или местный помещик, «ничейными» и продавали их заинтересованным лицам. Неграмотным крестьянам предлагали обращаться в суд, неизменно принимавший решения не в их пользу.

Неудивительно, что земельный вопрос, особенно в густонаселенной центральной части Мексики, сильно обострился. Некоторые деревни потеряли даже свои кладбища. К тому же помещики, как правило, окружали крестьянские наделы своими угодьями со всех сторон, проводя политику экономического удушения мелкого собственника. Тому ничего не оставалось, как превратиться в арендатора на принадлежавшей ему раньше земле. В деревнях, естественно, вспыхнули волнения. Но, в отличие от Хуареса, ни Диас, ни Гонсалес не испытывали никаких угрызений совести, приказывая войскам и «руралес» жестоко подавлять малейшие проявления недовольства.

Гонсалес продолжал политику раздачи американцам железнодорожных концессий на строительство магистралей к американской же границе. Уже тогда многие предупреждали, что расчет Диаса на растущее миролюбие янки совершенно неверен. Наоборот, твердили оппоненты, инвесторы и концессионеры будут требовать для себя все новых и новых льгот, в случае необходимости призывая на помощь власти США. Так и получилось.

¹¹ Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 72

Как только американцы построили первую дорогу к американской границе, они решили загрузить ее в обе стороны. С экспортом мексиканского сырья и скота все было понятно, но янки хотелось еще и завалить мексиканский рынок своими дешевыми товарами. Однако на пути американских экспортеров стояли высокие мексиканские тарифы на отдельные промышленные импортные товары, введенные еще Хуаресом и Лердо для защиты эмбриональной национальной промышленности. В 1882 году США предложили Мексике, как всегда, абсолютно «равноправное» соглашение: обе страны отменяют друг для друга тарифы на некоторые готовые товары.¹² Подвох состоял в том, что в Мексике большинство товаров, для которых США милостливо открывали свой рынок, вообще не производилось. Гонсалес, конечно, колебался. Тогда американцы стали грозить, что прекратят строить железные дороги (в Мексике не производилось ничего такого, что могло бы быть использовано для прокладки железнодорожных путей). Мексиканскому Конгрессу пришлось в 1883 году одобрить «равноправный» договор. Но на этом беды Мексики далеко еще не закончились. Уже через несколько месяцев германский посланник в Мехико потребовал для своей страны такого же торгового режима. Американский посланник сразу же выразил протест. Гонсалеса спас случай. Американские фермеры, которые опасались притока в США дешевой мексиканской сельскохозяйственной продукции, убедили Сенат отклонить торговый договор с Мексикой.

И Диас, и Гонсалес прекрасно понимали, что для создания противовеса США следует немедленно установить тесные отношения с европейскими странами. На этом фронте все зависело от Франции. Париж даже после свержения Наполеона требовал от мексиканского правительства признания долгов империи и выплаты французским гражданам компенсации за ущерб, причиненный им многочисленными войнами на территории Мексики. С другой стороны, правительства Хуареса и Лердо никаких долгов платить не желали и требовали от самой Франции компенсации за причиненные интервентами разрушения. К тому же мексиканцы настаивали, что инициатива восстановления дипломатических отношений должна исходить от Франции как бывшего агрессора. Гонсалес нашел простое и прагматичное решение: обе стороны отказались от всех претензий и восстановили отношения. Мексиканская армия стала получать современное оружие именно из Франции. У американцев старались ничего из военного снаряжения не покупать.

Однако сторонники Диаса через некоторые СМИ обрушились на Гонсалеса с критикой за то, что он пошел на мировую с бывшими интервентами. Бедный президент ничего не понимал: ведь это было согласовано с донном Порфирио (за которым еще с тех времен закрепилась обидная кличка «дон Перфидио», то есть «дон Подлец»). Но бывший президент хранил

¹² Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 72

молчание, из чего многие рядовые избиратели заключили, что он недоволен действиями Гонсалеса. Попытка последнего урегулировать финансовые вопросы с англичанами (британцы были единственной альтернативой американцам в строительстве железных дорог) окончилась уличными протестами в Мехико.¹³ В обмен на дипломатическое признание Гонсалес обещал Лондону выплатить 15,4 миллиона фунтов стерлингов британским держателям облигаций займов бывших консервативных правительств. После обнародования этого компромисса президенту пришлось отдать войскам приказ стрелять в демонстрантов. Это, естественно, не добавило ему популярности.

В 1884 году впервые в истории Мексики был учрежден национальный эмиссионный банк, и Гонсалес в соответствии с духом времени ввел в обращение никелевые монеты вместо традиционных серебряных. В стране едва не произошло вооруженное восстание.

Тем не менее итоги правления «простоватого» Гонсалеса оказались весьма впечатляющими. В Мексике его до сих пор помнят хотя бы потому, что этот президент ввел в стране метрическую систему мер, отменив все остальные как рудименты колониальных времен. На севере были наконец побеждены апачи. Мексика имела дипломатические отношения со всеми ведущими европейскими государствами. В 1884 году ввели в эксплуатацию первую железную дорогу между США и Мексикой. Благодаря непопулярным мерам президента иностранные инвестиции в страну впервые со времен завоевания независимости достигли ощутимых размеров. Однако Гонсалеса мексиканцы не любили. Его правительство называли самым коррумпированным в истории Мексики (Порфирио Диас докажет позднее, что пальма первенства на этой стезе принадлежит все же ему самому). После отставки Гонсалеса в 1884 году распускались слухи, что, покидая президентский дворец, он прихватил с собой всю казенную мебель. Как и Лердо, его обвиняли в распродаже национальных ресурсов иностранцам по бросовым ценам. К тому же в 1884 году Мексику впервые в истории потрясли отголоски мирового экономического кризиса. Став зависимой от внешнеэкономической конъюнктуры, страна утратила былую самодостаточность.

Незадолго перед выборами Диас посетил Гонсалеса и пытался убедить его, что не имеет президентских амбиций. Слушая, Гонсалес все время выдвигал и задвигал ящики своего письменного стола. На недоуменный вопрос Диаса он ответил, что ищет того дурака, который бы в это поверил.

На общем фоне победа Диаса на президентских выборах 1884 года была легким делом. Избиратели хотели стабильности, достатка и самостоятельной внешней политики. Все это они ошибочно ассоциировали с доном Порфирио.

¹³ Условия англичан были чуть лучше американских: американцы строили железные дороги в обмен на концессии на сами эти дороги сроком на 99 лет.

Прежде всего Диас решил окончательно консолидировать свою единоличную власть, чтобы уже не зависеть от прихотей своих бывших генералов. В новое правительство Диаса вошли уже не его соратники по путчу 1876 года, а представители самых разных политических направлений: от сторонников Лердо до бывших консерваторов. За кулисами, сохраняя все формальные институты либеральной республики, новый-старый президент предпочитал действовать методом «*rap o palo*» – «хлеба или дубинки». Раскритикованный Диасом Гонсалес послушно хранил молчание на посту губернатора штата Гуанахуато. Бывший президент говорил, что жертвует собственными глубокими убеждениями во имя общественного спокойствия.

Своим девизом во внутренней политике Диас избрал стабильность. Он говорил, что стране нужен достаток, а не новые законы. Чтобы подавить самостоятельность штатов, Диас разделил в них политическое и военное руководство.¹⁴ Командующий федеральными частями в каждом штате стал естественным конкурентом губернатора, и Диас поддерживал это соперничество по принципу «разделяй и властвуй». Если кто-то из губернаторов штатов не понимал новой ситуации, то его убивали подосланные наемники, как это случилось в 1886 году с губернатором штата Гуанахуато Тринидадом Гарсия де ла Каденой.

Чтобы поставить под контроль армию, Диас упразднил многочисленные высшие командные должности и разделил страну на 12 военных округов, которые, в свою очередь, состояли из 30 военных зон. Была учреждена национальная военная академия для подготовки квалифицированного офицерского корпуса. Уже в начале XX века около половины корпуса составляли выпускники академии Чапультепека. Бывший генерал продолжал тратить на армию большую часть бюджета, хотя доля военных расходов за время его правления практически не выросла. Диас постоянно тасовал командующих округами, чтобы они не успевали обзавестись политическим влиянием. Президент поощрял генералов к коммерции с использованием служебного положения. Обрастая капиталами и недвижимостью, те испытывали все меньше желания ставить все это благополучие на сомнительную карту военного мятежа.

Армия строилась на основе выборочного рекрутского набора. Причем этот набор, как и в России того времени, часто использовался затем, чтобы избавиться от непокорных местных жителей. Поэтому крестьяне армию ненавидели, так же, впрочем, как и солдаты, которым платили мало и нерегулярно.

Для усиления федерального контроля на местах в 1896 году были наконец ликвидированы внутренние таможи (алькабала) и налажено прочное телеграфное сообщение со всеми столицами штатов. А стремительно растущая

¹⁴ Krauze E. Porfirio Diaz. *Mistico de la autoridad*. Mexico, 1998. P. 45

сеть железных дорог позволяла быстро перебрасывать войска из столицы на подавление военных мятежей и социальных протестов. Первая телефонная линия в Мехико, появившаяся в 1879 году, связывала президентский дворец с министерством внутренних дел.

Диас впервые в истории Мексики ослабил власть так называемых касиков. Это индейское слово означает «вождь». В Мексике так именовали местных старейшин, часто – выборных руководителей общин. Некоторые касики действительно защищали интересы своего населения и пользовались большим авторитетом, чем губернатор штата и даже президент. Диас фактически заменил выборность на местах принципом назначения мэров так называемыми политическими руководителями («хефес политикос»).¹⁵ Ранее это были сугубо административные чиновники, подчинявшиеся губернаторам штатов. Теперь они стали полновластными руководителями на местах и назначали мэрами и старостами тех, кто был угоден власти. Новые мэры, как правило, активно поддерживали обезземеливание собственных деревень. Крестьяне лишились последних заступников.

«Хефес политикос» стали важным противовесом снизу по отношению к властям штатов. Правда, теперь нужды населения своих регионов были для них не важны. Ведь они зависели только от президента.

Выборы на пост губернаторов штатов и в Конгресс формально сохранялись. Но отныне кандидат мог быть избран только при предварительном одобрении дона Порфирио. Тех, кто не хотел играть по правилам, старались подкупить иной должностью или просто запугивали. К самым отчаянным подсылали наемных убийц. Неудобных людей с именем отправляли с «важными» дипломатическими миссиями за границу. В первом Конгрессе времен Диаса его друзья-генералы составляли 59% депутатов. Постепенно их сменяли земляки и лично преданные друзья. В 1886 году из 229 депутатов Конгресса 62 были уроженцами Оахаки, родного штата Диаса. К концу правления дона Порфирио Конгресс напоминал клуб его друзей и друзей его супруги. Туда «избирали» и многочисленных генералов, которых таким образом отстраняли от военного командования на местах – в 1876–1880 годах среди депутатов конгресса было 59% бывших военных.

С влиятельными людьми на местах Диас всегда предпочитал сначала попробовать договориться. Он не хотел плодить себе смертельных врагов. Поэтому его режим в Мексике иногда называют не «диктатура», а «диктатбланда» (игра слов: «duro» по-испански значит «твердый», «blando» – мягкий). Но мягкость дона Порфирио была обманчивой, особенно по отношению к оппозиции из социальных низов. В 1879 году губернатор Веракруса сообщил президенту о раскрытии заговора сторонников бывшего президента Лердо. Он просил совета, как поступить с арестованными, и в ответ полу-

¹⁵ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 96